

(00:13:00) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Сессия «Ближний и Средний Восток в меняющемся мире». На сцену приглашаются Модератор Аватков Владимир Алексеевич, российский тюрколог, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор дипломатической академии МИД России, член Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям.

Участники: Баскаков Илья Дмитриевич, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН. Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, кандидат политических наук, профессор Института медиафакультета креативных индустрий Высшей школы экономики. Крылов Данила Сергеевич, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН. Кузнецов Алексей Владимирович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН. Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН. Русанов Иван Дмитриевич, старший лаборант отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН.

(00:15:11)

Владимир Аватков: Ну что, уважаемые коллеги, добрый день. Сегодня нам предстоит очень интересный разговор с очень интересными спикерами. Я очень рад, что они согласились выступить перед вами, надеюсь, что у вас будут вопросы. Вопросы можно в этом году, как выяснилось, задавать через QR-код. Говорить мы сегодня будем о Ближнем и Среднем Востоке в меняющемся мире. Очевидно, что трансформация мирового порядка – это то, что мы сейчас наблюдаем. Мир переходит в новую стадию, стадию полицентричности. Это непростой этап, сложный переход, в рамках которого есть большое количество конфликтов, которые мы наблюдаем, в том числе и в том регионе, в котором мы сегодня будем пытаться разобраться, с чем есть, а с чем не есть.

Второй очень важный момент – это то, что мировой политический процесс медленно, но верно сдвигается в сторону стран не Запада. И если со странами Запада мы понимаем, каким образом вести коммуникацию, то чаще всего со странами Востока у нас такого понимания нет. В этой связи очень велика роль специалистов, востоковедов, международников, экономистов, политологов, которые могут помочь понять этот регион как можно лучше.

Война и мир – это два, к сожалению, естественных состояния человечества. И то, что мы сейчас переживаем – это эпоха войны для того, чтобы построить мир, построить новый полицентричный мир, который, конечно же, не самый простой, потому что необходимо учитывать большое количество интересов, большое количество ценностей различных игроков. Учитывая вот эти тектонические сдвиги, которые происходят в системе международных отношений, мне кажется, крайне важно обсуждать развитие этого региона

в рамках Московского экономического форума. Мы привыкли, действительно, к взаимодействию с Западом, а теперь нужно привыкать к коммуникации с Востоком. На этом введение заканчиваю. На все вопросы мы с радостью, повторюсь, сможем ответить в конце. Сейчас я бы хотел передать слова нашим спикерам. Для начала слово Алексею Владимировичу Кузнецову, члену-корреспонденту РАН, доктору экономических наук, директору Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. И, Алексей Владимирович, вопрос про торгово-инвестиционные связи со странами Ближнего Востока. Каковы они сегодня у нас, что у нас есть, и каковы перспективы?

Алексей Кузнецов: Добрый день, уважаемые коллеги. Ну, я начну с того, что действительно у нас регион Ближнего и Среднего Востока повышает свою значимость для России как партнер. Уже можно говорить о том, что на долю этих стран, если туда относить и Иран, и Египет, которые находятся фактически уже на границе Ближнего Востока, приходится 12% российского товарооборота. Но что еще важнее, это то, что по итогам 2023 года Турция смогла попасть в тройку ведущих торговых партнеров, и фактически именно разворот на Ближний Восток российской торговли ознаменовал собой выход из гипотетической изоляции России, которую ей предрекали благодаря так называемым санкциям Запада.

Поскольку товарооборот России с Китаем рос быстро, но медленнее, чем с Ближним Востоком, Индия продемонстрировала шикарный рост, но в основном это было связано исключительно с нашим экспортом углеводородов, ну, кроме некоторых деталей. И именно Турция и арабские страны показали, что действительно есть государства в мире, которые хотят с Россией интенсивно торговать, и в какой-то степени барьером был только такой шаблонный взгляд, в том числе наших бизнесменов, на возможные направления внешней торговой активности.

Достаточно сказать, что в 2023 году Объединенные Арабские Эмираты стали сопоставимы по товарообороту с Россией и с Германией, а Египет – с Соединенными Штатами Америки. Другое дело, что возможности связи с этим регионом до сих пор полностью не задействованы. Две основных проблемы, что, в общем-то, вот теми шестью странами, которые я привел в табличке, все и ограничивается.

(00:20:04)

Если мы посмотрим на Катар и Кувейт, то мы поймем, что непропорционально маленькая доля до сих пор у этих двух государств в товарообороте с Россией. Причем она даже в ходе ведения СВО на Украине отчасти сокращалась. Оман, даже Ирак, торговля есть, но она не впечатляет. Опять-таки, эти все страны входят в десятку ведущих участников внешней торговли в регионе, и могло бы быть и больше.

Второй момент. У нас практически везде очень большое положительное сальдо торговли. Этим могут гордиться только сторонники меркантилизма, потому что хорошая торговля – это сбалансированная торговля. И пример некоторых африканских стран показал, что, когда вы много экспортируете, почти ничего не импортируете, то в стране очень легко под давлением американцев или кого бы то ни было еще свернуть торговлю. Ну, ярчайший

пример – это в Африке Ангола, которая фактически нас подвинула с нашим весьма успешным алмазным проектом.

Но есть принципиальное отличие Ближнего Востока от стран Тропической Африки. Им есть, что нам продавать. Если посмотреть даже на Объединенные Арабские Эмираты, то достаточно вспомнить, что они сделали за полвека огромный прогресс, и у них расходы на науку составляют 1,5% от НИОКР, при том, что в России только 1%. И к этому 1% приближаются уже и Египет, и Турция. И, в общем-то, у некоторых других стран региона также есть большие возможности по развитию торговых отношений с нашим государством.

Вторая серьезная проблема, помимо географических и структурных дисбалансов, это, конечно, нестабильность показателей. В 2024 год Турция показала спад товарооборота с Российской Федерацией. Спад небольшой, но, тем не менее, если мы будем брать не красивые реперные точки: 2018-й, 2021-й, 2023 год, а взяли бы весь ряд каждый год, мы бы увидели, что были проблемы и с российско-иранской торговлей, были проблемы и с российской торговлей с некоторыми арабскими государствами. Каждый раз это мелкие, казалось бы, в мировом масштабе проблемы, но они существуют.

В одном случае проблема была с инфраструктурой, в другом случае проблема с банковским обслуживанием, когда мы в Иране реально имели фактически однобокий перекося сторону представительства иранских банков здесь, и не было долгое время наших банков в Иране. То есть эти все проблемы действительно существуют, их надо решать.

Интересно посмотреть и то, что у нас происходит в сфере иностранных инвестиций. С одной стороны Турция, представленная большим количеством проектов в Российской Федерации, россияне, прежде всего «Росатом», очень много инвестировали в Турцию. С другой стороны, ушел Сбербанк, а это несколько миллиардов долларов. С другой стороны, у нас некоторые турецкие инвесторы в России стали сворачивать или стагнирует их деятельность.

По арабскому региону то же самое. В Египте вроде бы у нас неплохие инвестиции в нефтегазовый сектор, но пробуксовывает развитие специальной промышленной зоны. В Объединенных Арабских Эмиратах, где наиболее диверсифицированная структура, россияне пока больше сосредоточены на недвижимости. Есть страны типа Ливана, Бахрейна, Иордании, где российского капитала практически и нету.

То же самое и встречные потоки. Да, Катар, благодаря вложениям в «Роснефть», оказался мощным иностранным инвестором на территории России. Но такие известные уже больше десятка лет иностранные инвесторы, как Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия, прежде всего, речь идет, конечно, о суверенных фондах, но там уже появились собственные транснациональные корпорации, в том числе в сфере услуг. Они, в общем-то, очень долго присматриваются к Российской Федерации. Есть определенные проблемы и с Ираном.

И что все это значит? Вот это такая большая мозаика разных, в общем-то, отчасти разнонаправленных движений, но с неким все-таки большим вектором на усиление

российско-ближневосточных экономических связей. А это показывает одно, что настало время вот эти все ростки собрать в одном месте и сделать реально мощный рывок.

(00:25:09)

А этот мощный рывок сейчас подкрепляется и институционально, потому что расширение БРИКС в основном касалось именно стран Ближнего Востока: Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Иран. Во-вторых, мы должны не забывать про коридор «Север – Юг». И МТК «Север – Юг» — это не только путь из России в Индию, это фактически скелет для куда большего экономического взаимодействия во всем регионе, потому что он ценен не выходом на Индию или выходом Индии в Россию, а он ценен разворотом на арабские страны и потом даже на Восточную Африку.

И надо еще не забывать, что в плане часовых поясов это независимый сегмент, и это тоже может дать очень большой импульс для развития всего Ближневосточного региона. И завершая, могу сказать, что фактически это было бы очень удачным шагом для избавления от потенциальной зависимости от китайского доминирования, потому что самая для нас опасная сейчас угроза в переходе к так называемой многополярности — это вместо Соединенных Штатов получить Китай или в перспективе американо-китайскую биполярность. Вот именно многоугольник: Россия, арабские страны, Иран с перспективой на Турцию и на Индию — это тот, не знаю какой геометрический объект, но точно геополитически осязаемая реальность, которая может позволить действительно изменить в экономической, а потом и в политической сфере, очень многое в мироустройстве, в том числе с выгодой для России. Спасибо.

Владимир Аватков: Спасибо большое, Алексей Владимирович. Я так думаю, что вопросы дальнейшие мы оставим на потом, на конец. Еще раз призываю всех через QR-код отправлять вопросы. Можно конкретным спикерам, можно в общем и целом. И у всех коллег будет возможность в конце еще выступить, сказать свое дополнительное слово. Спасибо еще раз большое, Алексей Владимирович.

Слово бы хотелось предоставить Дине Борисовне Малышевой, доктору политических наук, главному научному сотруднику Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН. Мы перейдем к интересам арабских стран Персидского залива, в первую очередь, конечно, в экономике Центральной Азии. Дина Борисовна, вам слово.

Дина Малышева: Спасибо. Добрый день, дорогие коллеги и друзья. Я бы хотела остановиться на роли аравийских монархий Персидского залива в меняющемся мире. Но эта роль, на мой взгляд, определяется двумя позициями. Первая позиция – это потенциал этих государств. Известно, что по темпам экономического роста, по масштабам промышленного экспорта, по инвестиционному потенциалу арабские монархии Персидского залива занимают одно из лидирующих мест. При этом стабильно высокой остается в этом регионе добыча энергоресурсов, что и определяет, собственно говоря, роль государств этого региона в мировой экономике и в мировой политике.

Напомню, что на аравийские монархии переходится 40% разведанных запасов нефти, 25% газа, и они поставляют на мировой рынок 23% мировой нефти, включая 37% ее морского экспорта. С середины 80-х годов достаточно успешно действует субрегиональное объединение аравийских монархий, Совет сотрудничества государств Персидского залива, и это объединение концентрирует свое внимание преимущественно на экономические, на энергетические, на торговые проблемы.

Второй момент, который определяет роль государств этого залива в меняющейся мировой политике, это их возросшие притязания на новую и более влиятельную роль. Я бы здесь хотела выделить три страны, которые особенно, так сказать, преуспели на этом направлении.

(00:30:11)

Это Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и, как ни странно, маленький Катар. Какие признаки говорят о том, что страны залива активно включаются в мировые процессы? Укажу на то, что Саудовская Аравия является участником группы 20, которая объединяет развитые страны мира. Кроме того, в 2024 году Саудовская Аравия вместе с Объединенными Арабскими Эмиратами присоединилась к БРИКС, а БРИКС, как известно, это межгосударственное неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой. И своим присоединением к этому объединению, неформальному объединению Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты демонстрируют свое стремление сместить вектор своей внешней политики с западного на незападный, потому что БРИКС все-таки объединяет страны, представляющие мировое большинство.

Кроме того, напомню о том, что Саудовская Аравия получила в 2023 году статус партнера по диалогу в Шанхайской Организации Сотрудничества. Причем это событие произошло как раз вскоре после того, как Эр-Рияд заключил знаковое соглашение с Ираном при посредничестве Китая. Эти отношения с Ираном были разорваны в 2016 году. Хотя сейчас отношения между двумя странами нельзя назвать идеальными, тем не менее это событие имеет значение и говорит о том, что страны региона стремятся к урегулированию проблем мирными средствами.

Еще один пример активного вовлечения стран залива в мировую политику, в мировую экономику является участие Омана в проекте, который лоббируется Россией, о нем Алексей Владимирович говорил, о международном транспортном коридоре «Север – Юг». Интерес к этому коридору проявляют и некоторые другие страны залива. Причем можно предположить, что возможное участие стран аравийских монархий в проекте МТК «Север – Юг», может облегчить нормализацию их отношений с Ираном, с которым они имеют сложные проблемы, включая территориальные, политические, религиозные. Их одновременное участие и в ШОС, и в проекте МТК «Север – Юг» могло бы способствовать нормализации отношений и смягчению противоречий.

Каковы возможные сферы сотрудничества монархий залива и с Россией, и с ее партнерами по постсоветскому пространству? Я просто назову несколько направлений, по которым это сотрудничество уже идет, и которые весьма перспективны. Это может быть

финансирование инфраструктурных проектов. Это участие стран залива в разработке углеводородных месторождений. Это банковский сектор, в особенности исламский банкинг, в котором они могут участвовать и на территории России. В частности, я знаю, что Татарстан проявляет большой интерес к этому виду сотрудничества. И целый ряд регионов России, где имеется мусульманское большинство.

Кроме того, важным моментом является то, в чем заинтересованы страны залива.

(00:35:01)

Дело в том, что по некоторым данным страны Аравийского полуострова импортируют 60% потребляемых продуктов питания. Поэтому они заинтересованы в поставках продуктов питания, в том числе и из стран Центральной Азии. Но это проекты, потому что на практике взаимодействие сталкивается с целым рядом трудностей. Во-первых, главная трудность, на мой взгляд, это то, что географические условия не позволяют выстроить напрямую логистический коридор из России или из Центральной Азии на Аравийский полуостров.

Кроме того, едва ли есть возможность гарантировать безопасность такого рода поставок. И вот как раз в этом плане МТК «Север – Юг» мог бы решить эти проблемы, но, к сожалению, этот проект торпедируется. И если бы он заработал в полную мощность, многие из этих проблем были бы решены.

Но еще одной сложностью во взаимодействии стран залива со своими партнерами, в том числе и на постсоветском пространстве, является то, что инвесторы из монархий залива обычно неохотно вкладывают капиталы в страны, богатые углеводородами. Естественно, рассматривая их как своих конкурентов. Кроме того, негативным моментом, влияющим на сотрудничество в энергетической сфере, является колебание цен на энергоресурсы. А также и легкость, с какой ныне нарушаются маршруты их поставок. Вспомним, подрыв северных потоков, нападение на Каспийский трубопроводный консорциум, угрозы, которые реально высказываются в отношении турецкого потока.

То есть, вся эта неблагоприятная международная ситуация, она ставит под вопрос экономическую целесообразность масштабных инвестиций в энергетические проекты.

Заключая, хочу сказать, что, поскольку я речь шла о постсоветском пространстве, то нужно отметить, что оно давно стало сферой конкуренции и соперничества между различными центрами силы. Тут и Китай, тут и Европейский Союз, США, Турция, Индия, Япония, можно назвать несколько стран. Аравийские монархи только недавно вступили в преимущественно экономическое взаимодействие со странами, и с Россией, и с нашими партнерами. И поэтому это взаимодействие еще по масштабам не сопоставимо с тем взаимодействием, которое установили традиционные партнеры – и Россия, и постсоветские государства.

Тем не менее, важным представляется то, что вот и монархии залива, и, например, Россию, и целый ряд других стран постсоветского пространства сближает то, что они прежде всего отстаивают свои национальные интересы, путем диверсификации международных отношений, и вот это внешнеполитическое разнообразие рассматривается ими как способ

для того, чтобы обеспечить собственную безопасность. Причем это очень важно в том, к сожалению, фактически глобальном беспорядке, который сопровождает ныне переход от однополярной модели мира к его полицентричной опции. И поэтому возможность подключения стран-участниц Совета Сотрудничества Арабских государств Персидского залива к формированию вот такой общеевразийской политики экономического пространства можно расценивать как вполне позитивное явление.

(00:40:13)

И эта перспектива, она отвечает и интеграционным приоритетам Евразийского экономического союза, и устремлению к углублению сотрудничества в Шанхайской организации сотрудничества и в БРИКС. Спасибо за внимание.

Владимир Аватков: Спасибо, Дина Борисовна. Спасибо большое. Давайте двинемся дальше. Слово Дмитрию Геннадьевичу Евстафьеву, кандидату политических наук, профессору Института медиа Высшей школы экономики. Поговорим дальше о меняющемся Ближнем Востоке, о дуге нестабильности. Как говорится, можно ли завоевать мир, не привлекая внимания санитаров, или куда делась экономическая взаимозависимость. Дмитрий Геннадьевич, пожалуйста, вам слово.

Дмитрий Евстафьев: Спасибо большое, Владимир Алексеевич. Очень рад выступать перед такой представительной аудиторией. В действительности, привлечение или не привлечение внимания санитаров к региональным трансформациям, в этой формуле есть только 50% шутки. Потому что, в действительности, то, что мы наблюдаем на Ближнем и Среднем Востоке, это очень сложное сочетание, разнонаправленное, трансформации процессов политического и геоэкономического толка. Так вот, те, кто занимается политикой, они как раз стремятся максимально привлечь внимание санитаров, а те, кто занимается большой геоэкономикой, в действительности, стараются этого не делать.

Для нашего общего понимания, мы должны исходить из того, что Соединенные Штаты очень много говорят о политических процессах на Ближнем Востоке, но в действительности, их стратегические цели, они абсолютно геоэкономические. Поэтому, когда мы видим большой информационный шум вокруг очередных предложений Трампа, мы должны понимать, что где-то там, в тишине, решаются большие геоэкономические задачи.

Действительно, мы должны задать вопрос, а что такое строительство так называемого полицентричного мира? Нет, возможно, строительство многополярного мира – это не ко мне, я в него никогда не верил и не верю. Полицентричный мир – это вполне приемлемая конструкция, более того, в Америке она прорабатывается с нулевых годов. Но что это такое с точки зрения регионального развития и, прежде всего, развития Ближнего и Среднего Востока? Это, прежде всего, мир конкуренции региональных и трансрегиональных сил. Трансрегиональные силы для Ближнего и Среднего Востока – это Соединенные Штаты, причем во всех их проявлениях, их больше двух проявлений у Соединенных Штатов, в Соединенных Штатах идет мозаизация политического и экономического поля, причем очень быстрыми темпами. Это один из факторов непредсказуемости. Это Россия, это Китай,

влияние которого объективно сокращается, и, вероятнее всего, это Индия. Вот это трансрегиональные силы, и вокруг них формируются региональные силы.

Второй фактор – это то, что на Ближнем Востоке снято табу с пересмотра национальных границ, которые там установились в результате Первой мировой войны, известной переписки Сайкс – Пико – Сазонов. Но Сазонова там быстро кинули, поэтому в истории она известна как Сайкс – Пико. Фактически перед Соединенными Штатами открыта дорога для того, чтобы реализовывать стратегию Ближнего и Среднего Востока, большого Ближнего и Среднего Востока, если быть корректней, а там в этой стратегии, в тех картах, которые они в рамках этой стратегии рисовали, не хватает нескольких государств. Включая некоторых крупных государств, не будем показывать пальцами из деликатности на Саудовскую Аравию. В ряде проектов Большого Ближнего Востока, которые рисовались еще при Буше-старшем, то есть еще на нашей памяти, Саудовская Аравия как единое государство не существует.

Я опираюсь на некоторые тезисы, которые я подготовил специально для данного выступления. Важный момент, пока трансформации Ближнего Востока развиваются в отрыве от Среднего Востока, там идут совершенно другие процессы, там тоже растет напряженность, но тем не менее прямой связки нет. Это все еще дает возможность осмысленной управляемой экономической инвестиционной деятельности как в Персидском заливе, так и в Иране, так и к востоку от Ирана. Если возникнет связка военно-силовых процессов, здесь, конечно, уже это будет делать сложнее.

(00:45:17)

Но мы действительно находимся в ситуации, еще не в точке бифуркации, но на подходе к точке бифуркации по Персидскому заливу, и есть в Соединенных Штатах и Израиле силы, которые хотят в этот процесс силовых трансформаций, который уже идет в Восточном Средиземноморье, втянуть Иран, и далее, что называется, мы понимаем последствия, в том числе и с точки зрения интересов наших экономических субъектов.

Что такое глобальные трансформации на региональном уровне и для Ближнего Востока? Первое – это разрыв экономических цепочек. В Восточном Средиземноморье фактически большинство экономических цепочек разорвано. Обнуление прежней логистики, ее там уже больше тоже нет, формируются совершенно иные транспортные коридоры. Это не значит, что там не будет логистики, только она будет на других условиях. Резкое изменение, как правило, в худшую сторону социального стандарта, ослабление, в некоторых случаях распад государственности, я сейчас говорю не только про Сирию, мы должны исходить из того, что большая часть государств Ближнего Востока имеет неустойчивые государственные системы. Обвалить их в действительности довольно легко. И резкое повышение уровня военно-силовых рисков, в том числе и для защиты собственных инвестиций.

Помимо этого, мы должны быть готовыми к тому, что в целом в мире, но Ближний и Средний Восток вероятнее всего будут модельными регионами для подобного развития, мы получим некие новые типы пространств. Это пространства, которые могут быть формально частью того или иного государства, но фактически это будут серые зоны и дикое

поле. Они там, по сути своей именно экономического содержания, они отличаются друг от друга, но это уже такой узкоспециальный вопрос, кому будет интересно, судя по всему, у меня в «Международной жизни», это в МИДовском нашем журнале в апреле месяце по этому поводу статья выйдет, можете посмотреть. Но еще раз говорю, мудя по всемуб мы имеем Ближний восток и особенно восточное Средиземноморье как модельную площадку для новых глобальных трансформаций.

Итак, на Ближнем и Среднем Востоке мы фактически имеем сосуществование четырех больших проектов. Первый – это Турецкий мир, он давний проект, находится в стадии торможения амбиций нашего ситуативного партнера Эрдогана. Второй – это Большой Израиль, это проект людей рядом с Трампом, и, вероятнее всего к нему тяготеет сам Трамп. Новый Кэмп-Дэвид – это проект противников Трампа. Ну и в перспективе возвращение Ирана, и вот этого все боятся и попытаются этого не сделать, но шансы на это есть.

А по сути дела, если мы посмотрим с точки зрения геоэкономической, то у нас возникла дуга нестабильности фактически от Эль-Кунейтра и Ашдода до Сараево и, возможно, даже далее до Ивано-Франковска, ранее именовавшегося Станислав. Если посмотреть на эту дугу нестабильности, которая идет по Ближнему и Среднему Востоку и на Балканы, то в перспективе там возникают совершенно иные формы экономической и геоэкономической деятельности, которая характеризуется известными нам всем параметрами, в частности увеличением силовых рисков, рэкeтом, контрабандой, серым бизнесом и так далее.

Но надо понимать, что, вероятнее всего, здесь я выскажу впервые гипотезу, я ее ранее нигде не высказывал, мы имеем проявление вот этой дуги, как некий сдвиг на этноконфессиональной основе малое арабо-исламское переселение с юго-востока на северо-запад, но переселение векторное, связанное с миграционными потоками. Это означает возможность возникновения в зоне этой дуги совершенно новых, не характерных для этого региона способов хозяйственной, инвестиционной деятельности, банковской деятельности, системы расчетов. Я не припомню, чтобы у нас на Балканах работала система расчетов Хавала, это исламская система безбанковского денежного оборота, на всякий случай я этого не читал нигде никогда, поэтому это все там будет и к этому надо быть готовым. Спасибо, я вроде почти не перебрал.

(00:50:01)

Владимир Аватков: Спасибо, Дмитрий Геннадьевич, действительно очень интересно, я думаю, мы еще вернемся к вопросу о дуге стабильности, которая движется у нас с Северной Африки на Ближний Восток, а теперь, видимо, покрывает и другие регионы, и действительно очень интересный фактор, связанный с этно-религиозной историей, это же то, что Дмитрий Геннадьевич сказал, накладывается на большой мировой политический процесс. Нет Советского Союза 30 лет, нет идеологической конфронтации, вроде как наступил конец идеологии, конец истории, но он не наступил, идеи и ценности, как известно, движут человечеством так же, как и интересы, как осознанные потребности человека и общества.

Поэтому очень важно, особенно при учете взаимодействия с нашими Ближневосточными коллегами, учитывать не только интересы, но и ценности. И причем зачастую ценностный ряд может оказываться намного более значимым, чем прозаические интересы, ведь сама по себе фраза «умирать за Родину» – это же восточная идея, восточная философия, а не западная. И в этой связи, так как нет других факторов, нет глобальных идеологий, а всякие феминистки, зеленые, все это микроидеологии. Нет макроидей, кроме какой-то мифической демократии. И в этой связи этническое и религиозное заполняет вот этот вакуум, который возник. Этническое и религиозное начинают подменять собой идеологическое, а отсюда рост религиозной нетерпимости, отсюда рост межрелигиозных конфликтов и отсюда рост всевозможных форм национализма, о которых как раз сейчас Дмитрий Геннадьевич и говорил.

Мы продолжаем двигаться дальше, двигаться по Ближнему Востоку в широком смысле слова, прежде чем перейдем к некоторым страновым аспектам. И я бы хотел передать слово Даниле Сергеевичу Крылову, кандидату политических наук, научному сотруднику отдела Ближнего и постсоветского Востока ИНИОН РАН, чтобы дальше продолжить разговор о балансе сил и интересов на Ближнем Востоке. Проблемы и перспективы. Спасибо.

Данила Крылов: Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги. Рад выступать в рамках данного форума. Сразу перейду к своему докладу. Уже много говорили уважаемые эксперты про Ближний Восток в различных его состояниях и различные его характеристики. Я на данном слайде кратко их все, основные черты, выделил. В первую очередь Ближний Восток – это пространство, это одна из подсистем международных отношений, и пространство это крайне неоднородное. Банально есть даже большие вопросы, а собственно говоря, где границы проходят, и кого мы относим, кого мы не относим.

Отсюда, например, американские концепты Большого Ближнего Востока, которые сейчас дотянули от Марокко чуть ли не до Казахстана, заявляя о том, что это в принципе все одно единое пространство, и нет никакой разницы ни в идейной специфике, ни в цивилизационной, ни в религиозной, ни в этнической, ни в какой.

Вместе с тем Ближний Восток очень неоднородный, но в нем можно выделить два больших субрегиона. Во-первых это Машрик, во-вторых это Аравийский полуостров. Машрик – это привычные нам и понятные Сирия, Ирак, Иордания, Ливан, Израиль, Палестина. Кроме того, на Ближнем Востоке очень интересно сосредоточены ресурсы. Во-первых, с точки зрения «ресурсной» важности, Ближний Восток – это точка сосредоточения углеводородов. На Ближнем Востоке очень важны отношения с богатыми государствами Персидского залива благодаря их капиталам, и в том числе их инвестиционному потенциалу. Ближний Восток занимает стратегическое положение между Европой и Азией. И Ближний Восток очень конфликтогенен на данный момент.

С правой стороны вы видите те конфликты, которые либо на Ближнем Востоке происходят, либо в которых участвуют активно государства Ближнего Востока. Это вот, например,

Ливия, которая, с одной стороны, находится в Северной Африке, но, с другой стороны, абсолютно ее исключать из ближневосточной проблематики невозможно.

Много говорили про баланс сил на Ближнем Востоке. Опять же, кратко сгруппированы государства, включая внешние державы, которые так или иначе вовлечены в процессы. И здесь я обращаю внимание на то, что, если внешние игроки устанавливают правила игры в глобальном мире, то региональные лидеры, в настоящее время это Турция, Иран, Саудовская Аравия и Израиль, который укрепил свои позиции после того, как они ослабли у Ирана в силу падения правительства Башара Асада в конце 2024 года.

(00:55:22)

Региональные лидеры пытаются устанавливать свои правила игры в регионе.

Вместе с тем, поскольку регион очень разнородный, в настоящее время наблюдается тенденция его кластеризации. Здесь выделены шесть, на мой взгляд, самых крупных сейчас кластеров, в каждом из которых участвуют либо внешние державы, либо региональные лидеры, либо, так сказать, вторичные региональные лидеры, то есть те, которые стремятся занять лидерские позиции, но пока в силу разных причин не имеют такой возможности.

И я бы обратил внимание на вторую строку, где указана Россия, дальше знак вопроса и Китай. И Китай временно. Да, Китай временно, потому что у нас, в принципе, надо понимать, что любые взаимоотношения с внешними другими державами, мировыми державами, они ситуативны и зависят от схожести идей и ценностей во внешней политике. Пока они сходятся, мы с ними союзничаем, сотрудничаем. Если они начнут расходиться, это будут точки конфронтации. Знак вопроса до конца ноября, начала декабря 2024 года, там могла стоять Сирия, как государство, с которым у России были долговременные хорошие отношения, но ситуация изменилась, и, в принципе, это открывает нам большой горизонт возможностей, потому что мы больше не завязаны на исключительно сирийский кейс и на всю связанную с этим специфику. Потому что Сирия многими государствами региона воспринималась, точнее, сирийское правительство воспринималось как враждебное, которое необходимо свергнуть, которое необходимо разрушить, и только после этого можно что-то новое строить.

Вот сейчас группировка Хайят Тахрир аш-Шам, террористическая, признанная террористами в России, представители которой на западе очень модным словом называют progressive friendly jihadists, те самые jihadists, которые режут головы людям и снимают это на видео. Вот она раздробила Сирию, что изменило баланс сил и создало разный кластер с участием Сирии. С одной стороны, это курды, которые сейчас ближе к США, с другой стороны, это друзы, на чью сторону хочет стать Израиль, с другой стороны, это алавиты, вопрос безопасности которых, как показали события начала марта 2025 года, это очень большая проблема. Ну, здесь, соответственно, есть свои сложности.

Что касается проблем, уже про этноконфессиональный фактор уважаемые эксперты говорили, я бы это еще обозначил как кризис этноконфессионального лидерства, то есть вопрос, кто будет главным, в множестве, защищать множество различных

этноконфессиональных меньшинств, которых на Ближнем Востоке много. С другой стороны, кризис пространств, то есть попытки дележа пространства, разделения пространства, это вопрос ресурсов, которые находятся на ее территории. Кризис власти внешних держав, кризис изменения баланса сил региональных лидеров. Так Турция на протяжении определенного периода времени думала, что она контролирует Хайят Тахрир аш-Шам и контролирует процессы, происходящие в Сирии. Как показывает практика, нет.

Еще на Ближнем Востоке есть проблема между нарративами и реальными действиями, то есть между тем, что заявляется, и тем, что делается. Яркий пример – это Палестина и это заявление Трампа по поводу Трамп-газа и так далее. **Халят-даулятейн** (00:59:28), то есть план «Два государства для двух народов», который Россия поддерживала в рамках Палестино-Израильского регулирования, ныне не представляется возможным к реализации.

Соответственно, надо искать какие-то новые пути, новые форматы сделок, новые форматы договоренностей. И в этих условиях что происходит на Ближнем Востоке? Ну, во-первых, происходит изменение сферы влияния. С одной стороны, Россия ослабла в какой-то степени из-за потери Сирии, из-за проблем с военно-морскими базами в Латакии и так далее.

(01:00:09)

Но, с другой стороны, для нас внезапно открылось пространство взаимодействия с государствами региона, которые до этого воспринимали нас как поборников и защитников тех, с кем им не хотелось бы сильно работать. Это вот с Правительством Башара Асада. Соответственно, например, поскольку наши позиции немножко ослабли, нас уже не воспринимают как такого значимого врага. Это порождает следующие, например, интересные тенденции, когда Израиль обращается к США за тем, чтобы вернуть Россию в Сирию для поддержания баланса сил. Или когда Объединенные Арабские Эмираты начинают активное экономическое и технологическое взаимодействие с Россией. А Эмираты в целом сейчас очень интересный игрок, который хочет создать технологический хаб и быть технологическими лидерами не просто Ближнего Востока, но и мира в том числе.

И вот в подобных условиях у России открывается горизонт возможностей, в том числе у российского бизнеса, выйти в регион с не только традиционными нефтегазовыми вопросами или вопросами продовольственной безопасности, но и вопросами технологическими, экономическими, инвестиционными. Но при этом, при всем необходимо учитывать, что Ближний Восток, он очень сложный, очень конфликтный. И эту конфликтность нельзя исключать. И нельзя исключать того, что сейчас ситуация в Сирии приведет к формированию новых, или точнее возвращению старых квазитеррористических государств, таких как **Даулель-Исламейф Ирака и Шама** (01:01:48), то есть Исламское государство Ирака и Шама, или просто Исламское государство, и других террористов. Что, конечно, будет отражаться на безопасности, с одной стороны, а с другой стороны, будет сближать государства, потому что им с этими вопросами необходимо будет решать вопросы совместно. А решить вопросы исключительно внутренними ресурсами, этих самых

ресурсов не хватит. Необходимо привлечение внешних игроков, и интерес к внешним игрокам будет в первую очередь к тем, кто готов работать конструктивно, закрывая глаза на определенные политические противоречия ради более глобальных, важных идей и проектов. Спасибо.

Владимир Аватков: Спасибо большое, Данила Сергеевич. Действительно очень интересно, да, спасибо, действительно очень интересная история соотношения нарративов и действий. То, что говорится, не то, что делается. Это очень разные вещи, и нужно учиться читать между строк, особенно если мы хотим правильно взаимодействовать с нашими ближневосточными коллегами.

Горизонт возможностей, которые есть перед Россией в этом регионе, колоссален, и, бесспорно, его нужно использовать. Сейчас мы перейдем ко второй части нашего балета. Вторая часть будет более страновой. Начнем, с вашего позволения, с Турции. Мне бы хотелось немножко поговорить с вами с тем, с чем есть, с чем не есть наших турецких партнеров, и потом перейдем к Ирану и Израилю. А потом, надеюсь, к вашим вопросам. Я передаю слово себе. Ну, в общем, поговорю с вами о Турецкой Республике, коллеги.

Для начала начнем с того, что Турция занимает стабильно в последнее время, несмотря на колебания, о которых Алексей Владимирович Кузнецов говорил в начале, занимает стабильно очень высокие позиции у нас в нашем торговом обороте. Второе, третье место, и, конечно, спасибо большое западным санкциям, которые нас толкают к более тесному взаимодействию со странами не Запада, в частности с Турецкой Республикой.

С Турцией достаточно сложно, но достаточно интересно, скучать, как говорится, не приходится. Турецкая Республика для нас крайне значимый партнер, это и по объему торговли видно, это видно также по целому ряду крупных проектов, которые мы с Турцией реализуем. Это турецкий поток, до этого голубой поток, сейчас мы строим атомную станцию «Аккую» и, возможно, идет диалог по поводу строительства второй атомной станции в Турции.

(01:05:00)

Все это достаточно долгосрочные инвестиции, некоторые уже окупались, как голубой поток, с большим трудом, кто-то окупился как турецкий поток, а кто-то как атомная станция «Аккую», которую нам еще предстоит окупать с годами с продажи электричества, потому что именно по этой формуле мы строим атомную станцию в Турции.

Но это не только крупные энергетические проекты, это и поставка российских систем С-400 в Турцию, это и военно-политический, экономический проект. Турция, напомню, вторая по численности армия НАТО. И наличие там систем С-400 вызывало очень бурную дискуссию, вызывает по сей день. Американцы призывают турок отказаться от системы С-400 и тогда заявляют, что готовы вернуть Турцию в систему, в программу, вернее, F-35, из которой Турцию выкинули, хотя она вкладывала достаточно большие деньги.

Что нам нужно понимать по поводу Турции? Турецкая республика обладает двумя такими синдромами, обладает двумя такими интересными, я бы сказал, аспектами своего

внешнеполитического курса. Первое – это синдром имперскости, Турция видит себя шире своих границ. Второе – это синдром ущемленности системы международных отношений. Турция считает, что она ущемлена и могла бы сделать большее. Отсюда, большее для кого? Большее для системы международных отношений. Отсюда известный лозунг Реджепа Тайипа Эрдогана, президента Турции: «Мир больше пяти членов Совета Безопасности ООН». Фактически Турция бросает вызов действующей системе международных отношений и предлагает ее реформировать. Как? И вот здесь мы возвращаемся к тому фактуру, о котором Дмитрий Геннадьевич говорил, это фактор этнический и религиозный. Реджеп Тайип Эрдоган предлагает, точнее Турция его устами предлагает изменить состав Совбеза на основе этно-территориального и религиозного фактора. Турция говорит, что в Совбезе представлены не все религии мира, забывая, что Россия великая христианская, великая мусульманская цивилизация, говорит, что там представлены не все этно-территориальные группы, и что члены Совбеза должны меняться постоянно. Не должно быть постоянных членов и непостоянных членов Совета Безопасности.

Понятно, Турции это достаточно выгодно. Турция у нас черноморская держава, правда? Черноморская. Средиземноморская? Средиземноморская. Европа? Европа. Азия? Азия. Мы сегодня на ближневосточной секции, но почему-то говорим в том числе о Турции. Турция у нас не часть, если мы о регионе говорим географическом Ближнего Востока, но Турция часть геополитическая, ближневосточная подсистема международных отношений. Турция крайне активна на Ближнем Востоке, и те два синдрома, о которых я вам сказал, имперскости и ущемленности системой, очень ярко проявляются в политике Турции на Ближнем Востоке.

Напомню, турецкие войска сегодня находятся в Сирии, тут вот аэропорт недавно взяли под контроль, правда, Израиль его немножечко до этого, так сказать, разрушил в Пальмире. Значит, в Идлибской бывшей зоне деэскалации находятся турецкие войска. В Ирак турки входят как к себе домой. Продолжать? В Катаре у Турции военная база. В Ливии, правда, это чуть дальше, но тоже часть была дуги нестабильности, находятся турецкие прокси. И этот процесс, он достаточно, я бы сказал, носит расширительный формат, несмотря на бешеные сложности с экономикой, которые есть у наших турецких коллег.

Какие сложности с экономикой, вам прекрасно, я думаю, известно. Это бешеная инфляция, 50-80%, смотря в какой момент рассматриваем. По данным оппозиционным в Турции она переваливает за 100%, то, что я вам сказал до этого, это официальные данные, но есть и неофициальные, они намного хуже.

(01:10:00)

Кто был в Турции, знает, насколько плоха там экономическая ситуация с точки зрения положения граждан. Уровень жизни в Турции падает, а население не привыкло к этому. На протяжении всех последних 20 лет уровень жизни населения рос, в последние два года он падает. И в этой связи накапливается конфликтный потенциал, протестный потенциал внутри турецкого общества. Это то, что мы сейчас наблюдаем в виде выплеска на улицах. В Турции все последнее время идут активнейшие протесты, связанные с арестом

оппозиционного мэра, мэра Стамбула, Экрема Имамоглу, крайне харизматичного, популярного, достаточно популярного оппозиционного лидера. Напомню, его арестовали по подозрениям в, первое, коррупции, второе, в сотрудничестве, точнее в поддержке террористической организации. Дело в том, что в Турции, как это, кстати, тоже проблема мировой политики, террористических организаций общего списка, на самом деле, кроме признанных на уровне совбеза, не существует. И то, что признается в Турции террористическим, у нас, например, не признается. Или наоборот. Так вот, его подозревают и в сотрудничестве, и в пособничестве террористам, пока это обвинение снято, пока идет расследование именно по коррупционным моментам.

После этого люди вышли на улицу. Люди вышли на улицу в поддержку Имамоглу, но на самом деле этот протест достаточно быстро перерос в социально-экономическую сторону. Почему? Люди стали нести плакаты: «правительство в отставку», «инфляция запредельная», «жить невозможно», «нужно жить лучше», известный лозунг Имамоглу, что «все будет хорошо». И на этом фоне очень интересно то, как проходят протесты. Они начались, я даже несколько раз пересмотрел это видео, не поверив своим глазам, они начались с того, что студенты Стамбульского университета начали прыгать и кричать: «Кто не скачет, тот Тайип», Кто не скачет, тот Тайип, Эрдоган. Где-то мы это уже видели. Потом это подхватили другие. И сейчас практически на всех протестах люди прыгают.

Второе. Оппозиционные лидеры, мэры, депутаты стали записывать видео в поддержку Имамоглу по формату «Я, мы, Имамоглу». Мы это тоже где-то видели. Третье. Вечером люди в многоэтажках стали включать-выключать свет и бить в кастрюли. Мы где-то это видели. Дальше, я думаю, многие видели кадры с арестом Пикачу. Он стал символом сопротивления, прости господи, на Ближнем Востоке, символом сопротивления Турции правящей элите.

Понимаете, все бы было хорошо, это внутреннее дело Турции. Но есть очень важный момент. Нам не безразлично то, что будет с Турцией. Я закольцовываю, завершая свое выступление, закольцовываю сначала. Для нас Турция – один из важнейших торговых партнеров. И то, что там происходит, нам не безразлично. Да, оппозиция светская. Но может создаться ощущение, что она, ну так как она представляет народно-республиканскую партию, партию, извините, с которой сотрудничал Ленин. Ататюрк и Ленин, напомню, дружили, состояли в переписке. И народно-республиканская партия – это партия, которая была основана Ататюрком, она была изначально левых взглядов. Но на сегодняшний день это классическая социал-демократическая европейская партия. Более того, тот же Имамоглу, как и многие другие лидеры турецкой оппозиции, призывали, первое, ввести санкции против России, второе, сотрудничать более плотно с Западом, третье, вступить в ЕС, четвертое, ввести более строгую натовскую дисциплину.

(01:15:09)

Конечно, все это внутреннее дело Турции, но это тесно связано и с нашими отношениями с Турецкой Республикой тоже. Поэтому нам нужно учитывать факторы внутривосточного процесса, учитывать амбициозность внешнеполитического процесса Турции. Ну и третье,

нам нужно по-хорошему побольше разбираться, это, конечно, невозможно уложить за 10 минут здесь, в наших турецких партнерах, потому что по турецким сериалам судить о турках категорически недопустимо. Спасибо большое, коллеги. Если будут вопросы, я дальше еще обязательно на них тоже отвечу. И хотелось бы передать слово дальше. Дальше у нас Русанов Иван Дмитриевич, старший лаборант отдела Ближнего и постсоветского Востока и ИНИОН РАН. Мы продолжаем говорить о страновой специфике, перейдем к Израилю, поговорим о его идеях, ценностях, в первую очередь, конечно, в контексте тех событий региональных, которые сейчас разворачиваются, связанных с Палестиной. Пожалуйста, Иван.

Иван Русанов: Большое спасибо, Владимир Алексеевич, за предоставленное слово. Начать бы я свое выступление хотел, прежде всего, обозначить те основные направления, в которых современное государство Израиль сейчас взаимодействует. Прежде всего, мы должны понимать, какие люди находятся у власти, для того, чтобы обозначить примерные контуры. Своей стороны, я бы сказал, что Нетаньяху и блок, который его окружает, во многом, это люди с прошлым военных, то есть это люди, которые мыслят в категориях силы, безопасности национального государства. То есть это люди, которые мыслят в категориях реал-политик, и, соответственно, для них основным приоритетом является безопасность государства Израиль.

Сейчас как раз Нетаньяху во многих интервью говорит о том, что основное значение для государства Израиль сейчас является именно противодействие и вовлечение в процесс изменения влияния в регионе, то есть борьба за влияние. И здесь, в самом Израиле, рассуждают о так называемой войне на семь фронтов, то есть, говоря это, подразумевают, прежде всего, первый фронт, основной фронт – это противодействие и стратегическое противостояние с Ираном в регионе Ближнего Востока. Здесь у Израиль есть две ключевые задачи, которые он преследует уже несколько десятилетий. Весь тот период, что Биньямин Нетаньяху находится у власти и премьер-министром является.

Соответственно, здесь это первая задача – предотвратить получение Ираном ядерного оружия, то есть это не уточняется, каким способом, то есть это или военный, или экономический, или дипломатический при помощи Соединенных Штатов. Но, опять же, это основная задача, которая несколько раз подчеркивалось Нетаньяху в выступлениях. И вторая, это, конечно, уменьшить то сопротивление, которое Иран оказывает на те действия, которые предпринимает Израиль в регионе. Это, прежде всего, то, что происходит в Газе, о чем я чуть подробнее позже скажу.

Собственно, второй фронт, который Израиль обозначает для себя, это противодействие с Хезболлой, то есть тесно связано с Ираном. И здесь мы видим, что то недавнее размещение войск Израилем в южной части Ливана, оно еще продолжается, то есть Израиль уходит пока не собирается и удерживает те стратегически важные для него точки, чтобы предотвратить атаки, совершаемые на северной части территории Хезболлой.

И, соответственно, третий важный фронт, это фронт с Хуситами, Хуситами в Йемене, здесь, соответственно, мы можем сказать о том, что во многом координация осуществляется с

Соединенными Штатами, то есть здесь Израиль во многом полагается на Соединенные Штаты.

Четвертый важный фронт, который Израиль обозначает, это буферная зона в Сирии, которую Израиль сам себе обозначил и расширил, соответственно, за пределами голландских высот. И здесь уже в Израиле рассуждают о потенциальной конфронтации с Турцией из-за влияния в этом регионе, как раз-таки после событий, связанных с падением правительства Башара Асада.

И пятый, шестой фронты, которые обозначает Нетаньяху, это, собственно, противодействие палестинским организациям, палестинским вооруженным организациям, это исламский джихад в Палестине, это ХАМАС в секторе Газа. Эти два ключевых направления тоже имеют важное значение, особенно сейчас.

И седьмой фронт, это, собственно, прокси-силы Ирана уже в Ираке. Соответственно, вот эти семь ключевых фронтов – это то, что Израиль считает для себя сейчас приоритетным, и выстраивает свое взаимодействие в регионе вокруг вот этих основных задач.

(01:20:15)

Соответственно, когда мы говорим о идеях и ценностях, которые в Израиле обозначают для себя и подчеркивают, это, конечно, важная идея осажденной крепости во многом, от которой отталкивается руководство Израиля, считая, что Израиль вынужден обороняться во многом, и это очень важно в рамках обеспечения национальной безопасности.

Соответственно, когда эта идея доминирует во внешней политике Израиля, мы видим, что, например, часть резолюции Совета Безопасности ООН Израиль не считает для себя важными для реализации, не считает для себя важным реализацию каких-то существенных договоров или меморандумов, которые, как он считает, навязываются ему. То есть это, допустим, то, что стало известно, это выдача ордеров на арест Нетаньяху и бывшего министра обороны Йоав Галанта. Это основополагающие резолюции Совета Безопасности ООН в области урегулирования израильско-палестинского конфликта. То есть это, прежде всего, резолюция номер 282.

Ну и, конечно, основная стратегия Нетаньяху, которую он преследует сейчас, это изменить регион Ближнего Востока, то, что он активно подчеркивает в своих выступлениях, обозначая иранскую ось зла, то есть это **цир-хареша** (01:21:42), как она называется на иврите. То есть это противодействие оси зла и изменение Ближнего Востока в этой парадигме.

Что можно сделать в рамках этой задачи? Израиль для себя считает важным, например, выстроить региональный альянс по типу НАТО, который будет возглавляться Соединенными Штатами. Эта идея неоднократно озвучивалась и, соответственно, этот альянс по типу НАТО, он должен быть направлен против Ирана, то есть сдерживать его. И его должны составлять, как правило, такие же арабские государства, которые считают и видят угрозу со стороны Ирана, экзистенциальную угрозу, прежде всего ядерная программа, конечно же.

Ну и нельзя, конечно, сейчас обойти стороной то, что происходит в секторе газа, соответственно, уже полтора года. И здесь Израиль, как мы знаем, недавно возобновил боевые действия в секторе газа. Это то, что Нетаньяху считает стратегией сочетания военного давления на ХАМАС и дипломатических переговоров. Соответственно, в Израиле полагают, что данная задача и вообще задача возвращения похищенных людей, в событиях 7 октября 2023 года, она может быть реализована только путем силы, а не переговорного процесса. Соответственно, для того, чтобы одержать стратегическую победу над ХАМАС, необходимо его ликвидировать.

Но, опять же, не предлагается конкретного метода, как это можно сделать. Потому что Израиль, прежде всего, воюет не только с носителями идей палестинского сопротивления, он, прежде всего, воюет с идеей палестинского сопротивления. То есть, победить идею – это достаточно сложно. И мы знаем, мы видим, что как только Израиль, допустим, покидает отдельные районы Сектора Газа, туда сразу же приходят новые боевики ХАМАС. И для Израиля это проблемная задача, с которой пока нет эффективного решения. И вокруг которой разворачиваются и все внутриправительственные кризисы, связанные с увольнением того же самого Йоава Галанта, министра обороны. И сейчас это увольнение службы безопасности Шабак. То есть, это аналог нашей федеральной службы безопасности в Израиле. То есть, увольнение чиновников.

Соответственно, это ключевая задача. Опять же, пока не видно решение этого конфликта в Газе, и как его можно завершить. Ну и сейчас Израиль, конечно, очень удобную возможность получил при президентстве Дональда Трампа. Это план по Газе. Соответственно, для Израиля, он очень поддерживает этот план. Он считает, что план Трампа по Газе как раз-таки решает очень важную задачу. Во-первых, он дает гарантии безопасности на этой территории путем контроля страны в Соединенных Штатах. Во-вторых, предполагает очень важное и удобное для Израиля переселение всех палестинцев. То как раз, о чем мы уже сегодня говорили, концепт Большого и Великого Израиля. То есть, это восстановление контроля на этих территориях. В целом, это вот основные приоритеты. Спасибо за внимание.

Владимир Аватков: Спасибо, Иван Дмитриевич. Да, ось зла, как там она на иврите будет еще раз?

(01:25:04)

Иван Русанов: Цир хореша (01:25:05).

Владимир Аватков: Не смогу повторить. Ну, в общем, ось зла, осажденная крепость. При этом территория Израиля расширяется. И идет очень активное проникновение Израиля на территорию Сирии. До этого у нас Ливан, Газа. То есть, конечно, ситуация достаточно серьезная. Тут вам уже вопрос пришел, но чуть позже. Илья Дмитриевич Баскаков, младший научный сотрудник отдела Ближнего постсоветского Востока ИНИОН РАН. Давайте, Илья Дмитриевич, поговорим об Иране. Что у нас, так сказать, у меня по левую сторону Иран, по правую сторону Израиль. Пожалуйста.

Илья Баскаков: Да, благодарю вас. Собственно, хотелось бы продолжить в русле того лейтмотива, который уже звучал про соотношение и значимость высокую ценностей в связке с интересами на пространстве Ближнего Востока. И на примере Ирана, конечно, значимость ценностей, она видна невооруженным взглядом. Истолковать внешнюю политику Ирана, не смотря на те ценности, которые продвигает данный актор, невозможно. Хотя бы просто потому, что даже если пытаться обратиться к исследованиям внешней политики Ирана, то основная формула для истолкования в очень широком смысле всей внешней политики Исламской Республики Иран, это формула идеалистического прагматизма, которая подразумевает, что Иран в своей внешней политике преследует одновременно идеалистические цели и прагматические. При этом считается, что руководство Ирана продвигает идею, что те прагматические цели, которые Иран преследует, они в итоге все равно должны привести к достижению долгосрочных идеалистических целей.

И, конечно, ценностный фундамент, ценностные аспекты, они важны еще хотя бы просто потому, что они определяют то, как каждый актор международной системы видит эту самую систему, видит в ней угрозы для себя, видит тех акторов, от которых исходят угрозы, и видит тех акторов, с которыми можно вступать в партнерство или в более тесное сотрудничество.

И для Ирана восприятие международной системы, что важно, оно, в принципе, зиждется на восприятии всей международной системы, как пропитанной идеями несправедливости и эксплуатации, в первую очередь, стран незападного мира, и в том числе самого Ирана. А свою внешнюю политику Иран осмысляет как политику, которая способствует достижению справедливости в международной системе. То есть Иран становится таким проводником справедливости для своего собственного места на международной арене и для других государств, которые готовы вступить с ним в равноправные, что важно, отношения.

Если посмотреть на наиболее долгосрочные идеалистические цели для Ирана, которые закреплены в программных документах, то я бы хотел выделить цель построения новой исламской цивилизации, **Табадонс Азии, Новины Исламии** (01:28:03). Эта цель наиболее долгосрочная, она была озвучена в 2019 году в рамках заявления духовного лидера о переходе ко второму шагу революции, то есть эта цель на последующие 40 лет для всего развития Ирана, и внутренней, и внешней политики.

И что еще важно из таких вот ценностных идеологем, которые Иран продвигает, это, конечно, то, что Иран всегда подчеркивает, что его внешняя политика, она основывается на триаде принципов: чести, мудрости и целесообразности. Эти принципы, согласно трактовке духовного лидера Ирана, должны всегда сопутствовать принятию любого внешнеполитического решения. Честь, в первую очередь, подразумевает отказ от выпрашивающей дипломатии, мудрость — рациональные и просчитанные шаги, а целесообразность подразумевает гибкость для уклонения от препятствий и для продолжения пути.

И если говорить также о восприятии всей международной системы, то здесь очень важная концепция, которую Иран также продвигает, — это концепция нового мирового порядка в ее иранском истолковании. И если говорить о ее основных компонентах, то, по мнению духовного лидера, это три основных элемента. Первый — это ограничение влияния Соединенных Штатов. По мысли высшего руководства Ирана, в новом мировом порядке США перестанут вмешиваться в дела других регионов планеты. Второй важный элемент — это перемещение центра силы мировой политики в Азию в широком смысле, к которой Иран себя причисляет. И третий элемент — это распространение идеи сопротивления, укрепление фронта сопротивления, высокомерия, империализма на мировой арене.

И далее я бы хотел также затронуть военно-политические аспекты, которые, конечно же, основываются на этих идеологических, ценностных ориентирах, которые я только что озвучил.

(01:30:08)

И что важно в русле именно изучения и рассмотрения военно-политических аспектов, самое главное для Ирана, конечно же, для достижения тех долгосрочных амбициозных идеологических, идеалистических задач, это, конечно же, сохранение государственности. Это то, на что направлена, собственно, вся военно-политическая стратегия, и она выражается наиболее ярко в концепции сдерживания или, можно иначе использовать термин, устрашения противников Ирана, в первую очередь США и Израиля. И эта концепция предполагает, что Иран должен иметь такой потенциал сдерживания своих противников, чтобы у них не было готовности нанести по Ирану сокрушительный удар. Потому что в данном случае Иран, используя тот самый потенциал сдерживания, нанесет непоправимый ущерб противникам, который, таким образом, сведет на нет все их потуги по достижению своих интересов.

И раз уж у нас здесь звучал Израиль очень подробно, то, конечно же, США изначально были в центре доктрины сдерживания иранской. Но Израиль в последние годы все активнее включается как раз-таки в сердцевину этой доктрины сдерживания, как тот актер, от которого исходит основная угроза. Хотя и в мышлении высшего руководства Ирана Израиль не представляется как полностью самостоятельный актер, а как проводник интересов США на мировой арене. Но в военно-политической сфере, конечно же, Израиль становится и воспринимается как все более значимый противник для Ирана.

И при этом важно отметить, что вот этот потенциал сдерживания, он тоже не всегда однороден, он может изменяться с течением времени. И сейчас как раз-таки то время, когда иранское восприятие, вот этот потенциал сдерживания, он проходит значимую трансформацию на фоне смены власти в Сирии, на фоне неопределенности с будущей позицией Хезболлы в Ливане. На фоне всего этого центр иранского потенциала сдерживания, он перемещается с условно левантийского фронта на фронт, который я бы назвал субрегион Персидского залива плюс Йемен, так как там сейчас находятся те союзники, которые продолжают сохранять свой полный потенциал для Ирана. И там непосредственно находятся основные ресурсы для сдерживания противников для Ирана.

И говоря об общей политической стратегии, которая также исходит из этих ценностных постулатов, которые я уже озвучил, если говорить о региональном уровне, об уровне Ближнего Востока, который в Иране не называют Ближним Востоком, а называют Западной Азией. Опять-таки, с одной стороны, подчеркиваю, что Ближний Восток – это придуманная концепция, потому что она подразумевает, что он должен быть ближний по отношению к кому-то, и понятно, по отношению к кому. А Ирану это не нравится. А вот Западная Азия, она, с одной стороны, устраняет вот это какое-то соотнесение с каким-то еще регионом, и с другой стороны, она подчеркивает то, что Иран – это страна азиатская. А Иран видит, что в Азии как раз-таки будет центр мировой политики, и поэтому он подчеркивает это всеми возможными силами.

И, собственно, по поводу будущего Западной Азии, Иран стремится создать в Западной Азии политическую подсистему, которая будет свободна от влияния, от присутствия внерегиональных игроков. В первую очередь США, ну и также Израиль, который также мыслится как внерегиональный игрок, потому что он там был создан, по мнению Ирана, незаконно.

И также, уже завершая свое выступление, хочу сказать, что важные тоже концепции, которые сейчас определяют внешнюю политику Ирана, это, конечно же, на фоне деградации отношений с Западом, это концепции взгляда на Восток, причем под Востоком в том числе здесь понимается и Россия, то есть в широком таком толковании, и концепция добрососедства. И эти две концепции, взгляда на Восток и добрососедство, в совокупности они подразумевают как раз такой очень широкий незападный вектор внешней политики Ирана, который сейчас является приоритетом на фоне полной деградации отношений с западными странами.

В целом же Иран продолжает проводить свою политику, в первую очередь, исходя из наиболее фундаментальной концепции, концепции сопротивления, которая пропитывает всю внешнюю политику Ирана и проходит красной нитью через все действия Ирана на внешнеполитической арене.

Владимир Аватков: Спасибо, Илья Дмитриевич. Мы получили ваши вопросы, будем сейчас потихонечку с ними разбираться. Для начала вопрос Алексею Владимировичу Кузнецову. Какие направления торговли, в первую очередь, для малого и среднего бизнеса можно отнести к перспективным и недооцененным со странами Ближнего и Среднего Востока?

(01:35:20)

И какие направления решения всевозможных трансграничных переводов есть для увеличения торговли?

Алексей Кузнецов: Наверное, надо понимать, что все-таки для освоения региона Ближнего и Постсоветского Востока мы не должны бросать малый и средний бизнес, просто как не умеющих плавать в центр океана, потому что без продвижения, например, нашей финансовой инфраструктуры, прежде всего, скорее всего, ВТБ, будет тяжело думать о

нормальных условиях, например, взаимных расчетов. Именно это мы наблюдали буквально до последнего времени в случае Ирана.

Тем более, что надо понимать, что если мы отдаемся полностью в руки наших партнеров, тех же арабских стран, то арабские бизнесмены будут явно в плюсе, потому что они будут иметь совершенно другие условия обслуживания, чем иностранцы, коими будут для них россияне.

По продвижению именно малого и среднего бизнеса, малый бизнес, смотря как его называть малый, потому что все-таки надо понимать, что малый бизнес, как участник внешней торговли на новых рынках, это достаточно сложная история. Мы очень любим рассказывать: малый-средний бизнес, малый-средний бизнес, внешние экономические связи, прежде всего, делают крупный бизнес, сверхкрупный бизнес и, так называемый, средне-крупный бизнес. И, фактически, средне-крупный бизнес играет обычно роль малого бизнеса в тех странах, которые далеки от страны. Поэтому бывают истории, когда и малый, и средний бизнес знают, что они могут сделать на рынках относительно удаленных от России стран. И я напомню, что инструменты его поддержки в России есть и не используются. Мы не боимся инвесторов, мы очень тяжело развиваем инфраструктуру и экспортных гарантий, особенно, когда речь идет о тендерах, то есть, когда надо еще и сначала вносить деньги на какие-то конкурсы, а потом уже только получать от импортеров соответствующие средства.

Это у нас все формально существует, так или иначе, эта вся линейка инструментов, но на практике она вызывает большие сложности. И я напомню, что еще одна проблема, это так называемое информационно-консультационное сопровождение нашего бизнеса. Мы ждем, что по щелчку эксперты будут рассказывать: вы должны прийти в город такой-то, к Абдуле такому-то, владельцу такой-то фирмы, и он вам заплатит кучу денег, потому что вы в России производите такой-то товар.

При этом надо понимать, что для этого надо вкладываться и, опять-таки, не малому бизнесу, а, скорее всего, государству и крупному бизнесу в подготовку конкретных специалистов, в том числе по арабским странам и по Ирану. Мы имеем большой провал, потому что мы несколько десятилетий отвернулись от этого региона, мы стояли к нему спиной. Я помню первое, еще до СВО, потепление отношений всего мира с Ираном в экономической сфере, когда ко мне, мы тогда занимались мониторингом взаимных инвестиций, на съемках «Пространства Большой Евразии», прибежали люди с просьбой проконсультировать именно вот в такой конкретике, в Иран. Не абстрактно, какие есть возможности в Иране, а вот партнеры, кто, где, что. И дальше был вопрос: а кто 20 лет последние платил хоть какие-то деньги за то, чтобы эксперты ездили в Иран? Не филологи, не историки, а именно ученые экономисты.

Поэтому тут вещи-то неутешительные, это статистика, она же не с потолка берется. То есть государство должно очень много еще сделать для того, чтобы наш малый и средний бизнес не на ощупь шел в этот регион. Фактически мы не должны равняться на Турцию, куда ездили многие туристами и что-то видели. Речь идет именно о том перечне арабских стран

и отчасти Ирана, который я называл, с которыми пока непропорционально низкий уровень связей.

(01:40:02)

Владимир Аватков: Спасибо, Алексей Владимирович. Да, действительно, проблема существует, мы неоднократно с вами ее поднимали, обсуждали. Конечно, здесь очень велика роль государства, но на самом деле велика и роль бизнеса, что бизнес точно так же может способствовать такого рода исследованиям на свое благо и на благо государства. Просто для этого нужно взаимодействовать с наукой, а не исходить из того, что наука – это что-то там далекое, абстрактное, страшное. И нужно привыкать к тому, чтобы играть в долгую с точки зрения выстраивания кадровой политики и работы с молодежью. Потому что если мы не будем воспитывать молодых специалистов, то дальше у нас их просто не останется. Абсолютно соглашусь с вами, то, что вы говорили по поводу воспитания специалистов и необходимости очень активного взаимодействия на местах.

Но Турция, конечно, и туристическая Турция, и Турция реальная, это все-таки очень большая разница. Турция на картинке, Анталия, Анталия – вообще не Турция. Это, так сказать, одно, а совершенно другое – это то, чем она живет. Это тема для отдельной очень большой лекции, о специфике коммуникации. В свое время я читал несколько таких лекций, но таких практик ориентированных историй, конечно, абсолютно соглашусь с вами, должно быть все больше.

И, собственно, я уверен, что ИНИОН в вашем лице открыт к коммуникации с бизнесом, с соответствующими заказами. Там у нас ЕАБР был и многие другие истории. Поэтому здесь это вопрос времени, как мне кажется, выстраивания правильной коммуникации науки, аналитики и бизнеса, а не только государства.

Алексей Кузнецов: Ну, я тут добавлю, да, у нас есть до сих пор действующие проекты, в том числе по мониторингу в интересах среднеторгового бизнеса, которые отслеживают ситуацию в нескольких странах Ближнего Востока, потому что ситуация-то меняется. У нас часто не понимают, что знать, что было в стране три-четыре года назад, для бизнеса – это фактически не знать ничего, ну или почти ничего, потому что вы за эти три-четыре года, вы еще должны будете год-два будете заходить в регион, Ближневосточный особенно, это медленный заход, чтобы что-то сделать, надо потратить много времени, и у вас получается уже лаг будет пять лет по времени между тем, что вы знаете, и что вы... Поэтому нужны действительно специалисты с языком, которые следят в режиме почти реального времени, и мы, в общем, такие услуги, да, оказываем.

Владимир Аватков: Спасибо, Алексей Владимирович. Дмитрию Геннадьевичу Евстафьеву вопрос. Если мы предполагаем, что будущий макрорегион России напрямую связан со странами Ближнего Востока, включая Иран, как гаранта безопасности логистики, то не возникает ли перекоса отношений со странами Юго-Восточной Азии? Не возникает ли недозагруженность экономических отношений с будущим центром опережающего развития?

Дмитрий Евстафьев: Ну, во-первых, никакой предопределенности, что макрорегион у нас будет иметь приоритетную связь с регионом Персидского залива нет, если там сейчас американцам, некоторым группам американской элиты, израильской элиты, удастся зажечь Большую Ближневосточную войну, так сказать, через удар по Ирану, ну какой же там будет макрорегион? Там стратегическая цель, во всяком случае, части групп американской элиты и большей, подчеркиваю, части группы евроатлантических элит, это, что называется, разукрупнение Ирана, разделение его по этническим квартирам, поэтому мы в данном случае имеем очень ограниченные возможности влиять на ситуацию в регионе.

Второй вопрос, а в Юго-Восточную Азию, мы как будем выходить? У нас есть прямой маршрут, прямая логистическая возможность выйти на Юго-Восточную Азию? Ну да, есть, называется это Корейская Народно-Демократическая Республика, которая формально является стратегическим союзником Российской Федерации, однако же этот выход еще надо обустроить, в том числе с точки зрения портовой инфраструктуры и так далее, поэтому в действительности мы сейчас, об этом надо думать, но мы сейчас должны исходить из многовариантности того, как будет выглядеть макрорегион Евразия плюс-плюс, не плюс, а именно два плюса, потому что примерно понятно, что такое будет Евразия, что там будет, что там не будет, а вот какие будут флюсовые отношения, это очень большой вопрос.

(01:45:08)

Ну и последнее, наверное, я имею репутацию Китай-скептика, наверное, заслуженную, а кто вам сказал, что именно опережающий центр экономического роста будет именно в Юго-Восточной Азии, если там будет действительно серьезные военно-силовые отношения, то в Юго-Восточной Азии будут реализованы все возможности для возникновения там и дикого поля, и серых зон. Если опять, кстати говоря, к вопросу об истории, если отмотать фарш истории назад, он не отматывается, но посмотреть, что там было до, скажем, в середине 80-х годов, в начале 90-х годов, то мы увидим, что это регион достаточно интенсивного военно-силового противоборства. Собственно, первые пираты были не сомалийские. Это были пираты Юго-Восточной Азии. В этот момент сомалийцы еще плавать не умели, и так далее, и тому подобное.

Мы пока можем представлять себе теоретическую рамку в отношении только одного макрорегиона в мире. Он называется крепость Америка, Большие Соединенные Штаты. Вот здесь мы рамку видим. Только есть один нюанс: не факт, что этот макрорегион удастся создать, но его географические рамки понятны. Все остальное давайте воспринимать как некую очень флюидную сущность. Ну да, ключевым моментом является, удастся зажечь Персидский залив – одна игра будет. Тогда, кстати говоря, опережающий центр экономического роста будет ни в какой ни Юго-Восточной Азии, извините, в Прикаспии. Где для этого есть все условия ресурсные, логистические и более-менее устойчивые. Предсказуемость ситуации с точки зрения этноконфессиональной. Да, если, кстати говоря, фарш истории отмотать примерно на 80 лет назад, то ключевой логистический путь по транспортировке нефти из Ближнего Востока был через Хайфу. И, кстати говоря, вот этот

маршрут сейчас, если будет сценарий Большого Израиля, он восстановится. Причем мы даже не успеем мигнуть, как быстро он восстановится. Но для этого должны сложиться определенные условия. А сейчас, ну это все пока теория, извините.

Владимир Аватков: Спасибо, Дмитрий Геннадьевич. Я, коллеги, не успел заметить, как у нас пролетело время нашей сессии, но я все равно доздам вопросы коллегам-спикерам, если нас отсюда сейчас не погонят, которые пришли. Только попрошу спикеров максимально коротко отвечать на поставленные вопросы. Илья Дмитриевич, скажите, пожалуйста, вот вопрос. В случае возобновления переговоров по ядерной сделке с Ираном, может ли Россия сыграть роль посредника? И вообще, что сейчас будет с Ираном в связи с происходящими событиями?

Илья Баскаков: Собственно, все разговоры вокруг ядерной сделки – это все очень большие догадки, как очевидно сейчас, и четко здесь что-то сказать очень сложно. Может ли Россия стать посредником? Ну, опять-таки, будет зависеть от того, как будут развиваться наши отношения не только с Ираном, с кем сейчас все относительно стабильно, но и со второй стороной основной этих переговоров, то есть с США, а здесь, что выходит за рамки нашей сессии, но очевидно, что перемены могут тоже случиться очень быстро, поэтому я думаю, что здесь сложно сказать однозначно, и по большей части это будут догадки, поэтому оставим это как догадки.

Владимир Аватков: Ну, по-хорошему, нужно, конечно, сценарирование выстраивать, отвечая на этот вопрос, выстраивать соответствующие сценарии и вероятность этих сценариев, но это достаточно большая кропотливая работа. Дина Борисовна, если брать во внимание неустойчивость у Ближневосточного региона, попытки внешних игроков усилить эту нестабильность, неустойчивость, то у каких государств, с вашей точки зрения, есть ресурсы и политическая воля, чтобы пройти точки бифуркации с минимальными потерями?

Дина Малышева: Всего Ближнего Востока? Ну, я думаю, что все-таки страны Персидского залива, они были перспективны с точки зрения стабильности в силу, во-первых, географически компактного удаления от театра боевых действий, ну и в силу, я думаю, политических систем, которые нацелены на сохранение стабильности. Это такие страны, как, естественно, Саудовская Аравия, перспективны очень объединенные Арабские Эмираты, а среди других стран региона, я, честно говоря, не вижу стран, которые могли бы претендовать на роль таких успешно прошедших.

(01:50:15)

Если можно, я небольшой, так сказать, комментарий к тому, что говорилось в отношении стран Юго-Восточной Азии. Мне кажется, что как раз перспектив стран Юго-Восточной Азии в смысле экономического роста, у них больше, чем у стран Ближнего Востока.

Владимир Аватков: Очень интересное дискуссионное замечание, которое бесспорно...

Дина Малышева: Мы в Институте как раз несколько лет назад этой проблемой занимались. Мне кажется, что они, в силу того, что у них все-таки ситуация в политическом плане более стабильная, и эти страны этого региона, входящие в АСЕАН, они все-таки нацелены больше

на торговлю, на экономический рост, и они меньше подвержены политическим пертурбациям, таким, каким подвержены страны Ближнего Востока.

Владимир Аватков: Спасибо, Дина Борисовна. Вопрос к Русанову Ивану Дмитриевичу. Тут их, на самом деле, несколько, и даже уже были попытки ответить на вопросы самостоятельные, дискуссию, так сказать, в чате вести. Вопрос. Не является ли администрация Израиля заикленной на построении Великого Израиля? Дальше читать не буду. Второй вопрос. Есть ли перспективы российско-израильского сотрудничества в регионе, и может ли Россия стать арбитром в регионе для уменьшения конфронтации Израиля и Ирана?

Иван Русанов: Отвечая на первый вопрос, касательно, опять же, того идеологического фундамента, который Израиль стремится реализовать, здесь, конечно, стоит отметить, что вот эта партия, которую представляет Нетаньяху, партия «Ликуд», она исторически очень сильно тяготела и основывалась на идее как раз-таки Великого Израиля, то есть это идея Владимира Жаботинского, с которой можно знакомиться подробно отдельно. И, конечно, я думаю, что здесь стоит учитывать именно этот фактор, то есть идеологический, потому что ближайшие партнеры Нетаньяху по коалиции, это прежде всего ультраортодоксальные партии, они очень сильно продвигают идею, например, строительства незаконных еврейских поселений на территории западного берега. Они очень сильно продвигают идею и расширения Израиля, идею Великого Израиля, конечно, здесь этот вопрос имеет место быть.

И касательно второго вопроса о перспективах сотрудничества и роли Российской Федерации, как он звучит?

Владимир Аватков: Российская Федерация как арбитр в регионе для уменьшения конфронтации Израиля и Ирана.

Иван Русанов: Да, здесь, конечно, это тоже можно учитывать, именно роль российского фактора, потому что у Российской Федерации, это заслуга нашей дипломатии, мы долгое время умудрялись, и у нас получается, сохранять дружественные отношения с Израилем, несмотря на те события в мире, которые происходят и разворачиваются вокруг нас. Соответственно, мы можем говорить о том, что у нас есть потенциалы, перспективы, и как с Ираном, о чем уже говорили мои коллеги, и здесь, с израильской стороной. Также можно подчеркнуть дружественные связи нашего президента Владимира Путина и премьер-министра Биньямина Нетаньяху, которые уже неоднократно встречались и находили точки соприкосновения по волнующим вопросам. Соответственно, здесь мы тоже можем говорить о том, что есть перспективы, есть потенциал, нужно его умело и грамотно использовать. Спасибо за вопрос.

Владимир Аватков: Спасибо, Иван Дмитриевич. Тут вопрос заключается в том, что у России есть богатый опыт посреднических усилий вообще на международной арене. Второй момент. У России прекрасные отношения с Ираном, достойные отношения с Израилем. Мы можем многое где не соглашаться с нашими партнерами, но есть большое количество точек соприкосновения. И другой такой державы на сегодняшний день просто нет, отвечая

на этот же вопрос, которая могла бы теоретически в случае потребностей таковых выполнять соответствующие посреднические усилия.

Но риск конфронтации на Ближнем Востоке растет с каждым днем, и сегодня в том числе, на сегодняшний день мы здесь сидим, риск конфронтации, к сожалению, нарастает. Мы видим давление, которое оказывают Соединенные Штаты на регион, видим иранскую попытку отвечать жесткостью на это давление, видим израильские заявления. К сожалению, пока эта напряженность совершенно не спадает. Данила Сергеевич, скажите, пожалуйста, здесь достаточно есть несколько вопросов по Сирии, по ХАМАСУ, но по ХАМАСу и ЦАХАЛу мы частично обсудили. Данила Сергеевич, насколько возможно «возвращение» России в Сирию, почему в кавычках, мы оттуда и не уходили, и как Россия будет сохранять свое военное присутствие в условиях захвата власти в Сирии?

(01:55:28)

Данила Крылов: Хороший вопрос. «Возвращение» России в Сирию возможно. У нас есть региональные игроки, которые этого очень сильно хотят, это Израиль. Недавно была дискуссия у Израиля с США, достаточно любопытная, когда Израиль пытался продавить в Вашингтоне идею необходимости позволить России вернуть под свой контроль базы на сирийском побережье в Латакии, на что Вашингтон отвечал, мол, позвольте, но есть же Турция, страна-член НАТО. Израиль такой, не-не-не, вот пожалуйста, только давайте без Турции как-нибудь, Турции и так достаточно много в Сирии. Нам нужно государство-балансир.

И да, у России исторический опыт государства-балансира в полицентричном миропорядке. Поэтому потенциал, конечно, есть, но вот с его реализацией будут большие сложности. Американцы, кстати, исключили вопрос, скажем так, выдворения России из Сирии из повестки дня взаимодействия с официальным Дамаском сейчас. Поэтому мы имеем теоретические перспективы вернуться, но там будет вся ситуация крутиться вокруг одного простого вопроса: что вообще будет с Сирией в перспективе ближайшего года? Потому что, скорее всего, мы увидим распад нынешнего официального Дамаска на множество различных группировок. И в условиях хаоса и хаотизации, скажем так, официально вернуться в Сирию не получится. Только через Совет Безопасности ООН. То есть через приглашение, как это было в 2015 году, не выйдет. Нужно будет решение Совета Безопасности ООН, а для этого американцы должны согласиться на российское военное присутствие в Сирии. Я бы вот так ответил на этот вопрос.

Владимир Аватков: Спасибо большое, Данила Сергеевич. Я надеюсь, что хоть сколько-то новых мыслей было в вашей жизни, что это мероприятие было для вас полезным. Мы постарались приложить усилия общими, широкими мазками. Конечно, рассказывать можно много, долго, здесь каждый мог прочитать одну, а то и несколько лекций среди коллег. Но мы постарались широкими мазками. Ситуация на Ближнем Востоке крайне значима с точки зрения интересов России, внутренняя, и коммуникация между странами. Она принципиально важна и с точки зрения нашего конкретного и узкого взаимодействия с этими странами. Но чтобы понимать конкретное и узкое, всегда надо понимать широкое.

Мы постарались дать эти широкие мазки сегодня вам. Спасибо большое всем. Спасибо, коллеги. Спасибо всем, кто слушал. Всем всего доброго. Спасибо.

(01:58:50) (Конец записи)